

Крюкова Е. А.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Основным средством выражения посессивной предикативности в кетском языке являются конструкции с местно-личным падежом. Несмотря на то, что ведущие исследователи в области кетологии упоминают эту конструкцию, до настоящего времени не существует отдельных работ, посвященных исследуемой проблематике. Рассматривается структура и порядок слов посессивных предикативных конструкций с нулевой связкой, бытийными связками, в том числе и в отрицательных предложениях по данным корпуса кетских текстов. Результаты исследования будут использованы для описания категории посессивности в языках обско-енисейского ареала в типологической перспективе.

Ключевые слова: кетский язык, предикативные посессивные конструкции, местно-личный падеж (адессив), локативные конструкции, бытийные конструкции.

Введение

Предикативные посессивные конструкции кетского языка до настоящего времени не становились предметом отдельного исследования. Упоминание о синтаксических конструкциях с местно-личным падежом (в англоязычной научной литературе – падеж *adessive*), который является маркером предикативной посессивности в кетском языке, встречается в монографиях отечественных (Валл/Канакин, 1995: 33) и зарубежных ученых (Vajda, 2004: 26–27; Georg, 2007: 107–108).

По синтаксическому способу выражения отношения принадлежности языки подразделяют на два основных типа – *esse*- и *habeo*-языки (Stassen, 2009: 39–69).

В кетском языке нет глагола со значением ‘иметь’ для выражения посессивных отношений, что является типологической характеристикой языков активного строя (Вернер, 1974: 44). Глаголы со значением обладания, которые упоминаются Е. А. Крейновичем (Крейнович, 1968: 139–142), по мнению Г. К. Вернера, являются более поздними инновациями, что и объясняет их узкую по сравнению с подобными глаголами других языков семантику (Вернер, 1974: 44).

Глагола ‘быть’ в кетском языке тоже не существует, в бытийных и локативных конструкциях используются так называемые бытийные связки, которые могут маркировать временные отношения и отрицательные конструкции.

1. Структура предикативных посессивных конструкций

В корпусе кетских текстов², объем которого составляет около 1100 предложений, зафиксировано 38 случаев употребления посессивных предикативных конструкций с падежными формантами *-daŋta* / *-diŋta* / *-naŋta*.

В таких конструкциях порядок слов строго фиксирован: на первом месте стоит посессор (обладатель), на втором – обладаемое, предикатив замыкает синтагму (см. табл. 1, ниже).

Посессор оформляется формантами местно-личного падежа согласно роду и числу, в котором он стоит: для мужского рода – *-daŋta*, для женского и среднего рода – *-diŋta*, для множественного числа одушевленных объектов – *-naŋta*.

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала», проект № 15-04-00406 а.

² В корпусе 27 текстов на северо-кетском диалекте и три на южно-кетском, записанных в середине XX в.

Обладаемое стоит в основном падеже, в кетском языке это падеж подлежащего и прямого дополнения, формально характеризуется нулевой морфемой на месте падежного форманта.

В качестве предикатива в посессивных конструкциях с *-daŋta / -diŋta / -naŋta* может быть использована нулевая связка, отрицание и бытийные связки.

Структура посессивной предикативной конструкции в кетском языке

ПОСЕССОР	ОБЛАДАЕМОЕ	ПРЕДИКАТИВ		
		нулевая связка	отрицание	бытийные связки
в местно-личном падеже	в основном падеже	нулевая связка	отрицание	бытийные связки
<i>-daŋta</i> (м.р.) <i>-diŋta</i> (ж.р./с.р.) <i>-naŋta</i> (мн.ч., одуш.)	-∅	∅	<i>bānsa</i> (ед.ч.), <i>bānsaŋ</i> (мн.ч.)	<i>usam</i> (наст. вр. ед.ч.), <i>obilde</i> (прош. вр., ед.ч.)

1.1. Конструкции с нулевой связкой

Почти половина случаев употребления посессивных предикативных конструкций приходится на высказывания с нулевой связкой (17 предложений из 38). Это касается как кетских фольклорных текстов, так и искусственно созданных диалогов, которые информанты переводили с русского языка.

В сказке «Чертовка и женщина» речь идет о подмене детей, у чертовки и ее родной дочери по четыре пальца на руках, а у положительной героини Хунь и ее родного сына по пять. Сын Хунь вырос у чертовки и случайно нашел свою мать, сравнил количество пальцев на руках у себя, у Хунь, у чертовки и ее родной дочери. В этой сказке предикативные посессивные конструкции с нулевой связкой встречаются 13 раз. *tə̀n*

(1) *burĩŋte s'e:k ta:n, buranŋte i re am 'diŋte qaŋ ta:n.*

<i>bū-diŋta</i>	<i>sĩk</i>	<i>tə'q</i>	<i>bū-daŋta</i>	<i>i</i>	<i>da</i>	<i>ām-diŋta</i>	<i>qāk</i>	<i>tə̀n</i>
3-ADSS.F	four	finger.PL	3-ADSS.M	and	his	mother-ADSS.F	five	finger.PL
3-ADSS.F	четыре	палец.PL	3-ADSS.M	и	его	мать-ADSS.F	пять	палец.PL

‘She has four fingers, he and his mother have five fingers’.

‘У ней четыре пальца, у него и его матери пять пальцев’. (Чертовка и женщина. Курейка, 1959).

В примере (1) – три посессора, два выражены личными местоимениями 3-го лица *bū*, род определяется по форманту местно-личного падежа, и один – существительным *ām* ‘мать’. Обладаемое – существительное *tə'q* ‘пальцы’ в основном падеже, предикатив – нулевая связка.

Предложения с нулевой связкой обычно используются для описания ситуации в настоящем времени. В корпусе встретился один пример, когда для описания ситуации в прошедшем времени используется посессивная предикативная конструкция с нулевой связкой. Следует отметить, что в предыдущих и последующих предложениях текста используются глаголы в прошедшем времени, таким образом, для устной речи, которая стремится к экономичности, употребление слова *obilde* ‘был’ излишне, см. пример (2).

(2) *'buŋnaŋte ba:m.*

<i>būŋ-naŋtan</i>	<i>báam</i>
they-ADSS.PL.ANIM	old.woman
они-ADSS.PL.ANIM	старуха

‘They had an old woman’.

‘У них старуха была’. (Жил мужик с женой. Курейка, 1959).

1.2. Конструкции с бытийной связкой *usam*

В кетском языке существует слово *usam* ‘есть’, которое, также, как и нулевая связка может использоваться в посессивных предикативных конструкциях для обозначения ситуации в настоящем времени. Среди ученых нет единого мнения о грамматическом статусе *usam*, в научной литературе встречается описание данного слова как предикативной формы среднего рода (Дульзон, 1968: 291), бытийная частица (*Existentialpartikel*) (Werner, 1997: 317), предикативная связка (*predicate copula*) (Vajda, 2004: 26), частица (*particle*) (Georg, 2007: 314). У А. П. Дульзона встречаются примеры, в которых *usam* имеет значение ‘существовать’, однако в корпусе текстов такие примеры не встречаются. Причисление *usam* к форме бытийного глагола вызывает затруднения, т.к. в кетском языке инфинитивной формы глагола не существует, и соотнести кетское *usam* по подобию русского (*есть* от *быть*) не представляется возможным.

В корпусе кетских текстов посессивные предикативные конструкции с *usam* встречаются гораздо реже, чем подобные с нулевой связкой, шесть раз: в фольклорных текстах – только три случая употребления (см. примеры (3)–(5)), в переводных диалогах – тоже три случая употребления (см. примеры (6)–(8)).

(3) *o:s'ka oyo:nen, assen bi:lde daŋte ?an usiem.*

<i>uska</i>	<i>o-k-on-den</i>	<i>assen</i>	<i>bilda</i>	daŋta	<i>ana</i>	usam
home	3.M-TH-PST-go	animal.PL	all	he.ADSS.M	part	the is/are
домой	3.M-TH-PST-идти	зверь.PL	all	он.ADSS.M	part	имеется/есть

‘He came home and he had a lot of wild animals’.

‘Он домой ушел, и звери у него всякие есть’ (Сказка про Кайгусь. Курейка, 1959).

(4) ... *bān li ta: ak'koŋte du?t usiem...*

<i>bān</i>	<i>li</i>	<i>da</i>	akŋ-naŋta	<i>du?t</i>	usam
not	PART	say	you.PL-ADSS	awl	the is/are
нет	PART	говорить	вы.PL-ADSS	шило	имеется/есть

‘... may be you have an awl ...’

‘... нет ли, говорит, у вас шила ...’ (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959).

(5) *Hu?n mane: “aviŋte duot u:siem”.*

<i>hu?n</i>	<i>mana</i>	abaŋta	<i>du?t</i>	usam
Hun	3.F.say	I.ADSS	awl	the is/are
Хунь	3.F.говорить	я.ADSS	шило	имеется/есть

‘Hun tells: “I have an awl”.

‘Хунь говорит: “У меня шило есть”’. (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959).

Следует отметить, что именно *usam*, а не нулевая связка используется в вопросительных предложениях, см. примеры (4) и (6), и при ответе на такой вопрос *usam* сохраняется, см. примеры (5) и (7).

(6) *ak'koŋta ka?t usem?*

ək-naŋtan	кəʔd	usam
you-ADSS.PL.ANIM	children	the is/are
вы-ADSS.PL.ANIM	дети	имеется/есть

‘Do you have children?’

‘У вас есть дети?’ (Диалог 3. Курейка, 1959)

(7) a 'biŋte kət u'sem: qoq hīp, qok hun abiŋte.

abaŋta	кəʔd	usam	qoʔk	hīb	qoʔk	huʔn	abaŋta
I.ADSS	children	the is/are	one	son	one	daughter	I.ADSS
я.ADSS	дети	имеется/есть	один	сын	один	дочь	я.ADSS

‘I have children: one son, one daughter’.

‘У меня дети есть: один сын, одна дочь у меня’. (Диалог 3. Курейка, 1959).

(8) рока лп'не sīla naŋte us'iem...

рока	ətna	sīla	naŋta	usam
till	our	power	us.ADDS.PL	the is/are
пока	наш	сила	нас.ADDS.PL	имеется/есть

‘Till we have strength...’

‘Пока у нас силы есть...’ (Диалог 5. Курейка, 1959).

В примере (8) представлен пословный перевод русского предложения, т.к. обычно в данном случае используется устойчивое выражение *ətna ū (bān) binu:t* ‘наша сила (не) кончилась’. Поэтому употребление в данном случае посессивной предикативной конструкции обусловлено влиянием русского языка.

Существует форма *usaŋ*, которая может согласоваться с одушевленным субъектом во множественном числе, но такое согласование является факультативным. В примерах из корпуса (6) и (7) формальное подлежащее *kəʔd* ‘дети’ (мн.ч.) употребляется со словоформой *usam*.

1.3. Конструкции с отрицанием *bānsa*

В отрицательных предложениях с посессивными предикативными конструкциями используется слово *bānsa* ‘нет’: предикативная форма отрицания *bān* по А. П. Дульзону (Дульзон, 1968), бытийная частица по Г. К. Вернеру (*Existentialpartikel*) (Werner, 1997: 317), предикативная связка по Э. Вайда (*predicate copula*) (Vajda, 2004: 26), частица по Ш. Георгу (*particle*) (Georg, 2007: 314). В кетском корпусе текстов, который используется для данного исследования, *bānsa* рассматривается как номинализированная форма отрицания *bān* ‘не’, где *-sa* является словообразовательным суффиксом-номинализатором.

В материалах корпуса встречается семь посессивных предикативных конструкций с отрицанием, причем в исследуемых фольклорных текстах используется по две отрицательных конструкции в одном предложении, см. примеры (9)–(11):

(9) ... ba:tiŋ qo'ɣater ʔaŋgovan; buŋ'naŋt ʔis 'e:ne bet'siɛ, nen ene
b'et'siɛ.

ba:t-aŋ	qóòtter	aŋ-g-o-v-qan	būŋ-naŋtan	īs
old.men-PL	go.hungry	3PL. EP-PST-EP-begin	they-ADSS.PL.ANIM	fish
старик-PL	голодать	3PL. EP-PST-EP-начинать	они-ADSS.PL.ANIM	рыба

ana **bān-sa** na'n ana **bān-sa**
 PART не-NMZ хлеб PART не-NMZ

‘... the old men started starving, they did not neither fish nor bread’.

‘... старики голодать начали; у них рыбы нет, ни хлеба нет’. (Головы рыб человеку прочь бросать не следует. Елогуй, 1956).

Отрицание *bānsa* может согласовываться с формальным подлежащим в числе как с *qəktaŋ* ‘ложки’ и *do'naŋ* ‘ножи’ в примерах (10) и (11), тогда к основе *bān* кроме номинализатора *-sa* добавляется суффикс множественного числа *-aŋ*.

(10) “*boijo, gdun a'biŋa kojket, ad t qiqti:vet, kul'pe i:liŋ es'eŋ, moŋta qaŋtaq bet'iŋ i do:naŋ bet'iŋ*”.

bəjb-o	k-do'n	abaŋa	qətbet	ād	di-qəkt-i-bet
friend-VOC.M	2SG.POSS-knife	I.DAT	give	I	1.SG-spoon-EP-make
друг-VOC.M	2SG.POSS-нож	я.DAT	дать	я	1.SG-ложка-EP-делать

kul'pa	iliŋ	esaŋ	ēt-naŋtan	qəktaŋ	bān-sa-ŋ
grain	eat	in.order.to	we-ADSS.PL.ANIM	spoons\PL	no-NMZ-PL
крупа	кушать	чтобы	мы-ADSS.PL.ANIM	ложки\PL	нет-NMZ-PL

i	do'n-aŋ	bān-sa-ŋ
and	knife-PL	no-NMZ-PL
и	нож-PL	нет-NMZ-PL

“Friend, give me your knife, I am going to make a spoon, I want to cook porridge, we have neither spoons nor knives”.

“Товарищ, свой нож мне дай, я ложку сделаю, кашу хочу сварить, у нас ложек нет и ножей нет”. (Бальна воевать стал с эвенками. Курейка, 1956).

В примере (11) посессор в местно-личном падеже опущен, его отсутствие обусловлено ситуацией общения: Бальна рассказывает своим братьям, как он обхитрит эвенков, ложки и ножи, которые упоминаются в контексте, должны были бы принадлежать Бальне и его братьям.

(11) “*adnaŋa sim nima – qaŋtaq bet'iŋ; do:niŋ bet'iŋ...*”.

ād	naŋa	sim	nima	qəktaŋ	bān-sa-ŋ	do'n-aŋ	bān-sa-ŋ
I	them	VERBPRT	1.SG.	spoons\PL	no-NMZ-PL	knife-PL	no-NMZ-PL
я	им	VERBPRT	1.SG.	ложки\PL	нет-NMZ-PL	нож-PL	нет-NMZ-PL
			сказать				

“I will tell them- there are no spoons, no knives ...”

“Я им скажу – ложек нет; ножей нет...” (Бальна воевать стал с эвенками. Курейка, 1956).

1.4. Конструкции с бытийной связкой *obilde*

Для описания ситуации в прошедшем времени используется связка *obilde* ‘был’, по мнению Ш. Георга данная связка, это ассимилированное в кетском русское *был* (Georg, 2007: 314).

В корпусе кетских текстов было найдено восемь посессивных предикативных конструкций со связкой *obilde*. В основном это контексты, описывающие наличие родственников, как в примерах (12), (13):

(12) “*u'kiŋte ob qaj obilde...*”

ukaŋta	ōb	qaj	o-bil-de
you-ADSS.SG	father	almost	PST-was-STEM
ты-ADSS.SG	отец	чуть было	PST-был-STEM

“You had a father...”

“У тебя отец был ...” (Сказка про Ньюям. Курейка, 1959).

(13) *būŋ'naŋta hi:p o'vilde ...*

būŋ-naŋtan	hīb	o-bil-de
they-ADSS.PL.ANIM	son	PST-was-STEM
они-ADSS.PL.ANIM	сын	PST-был-STEM

“They had a so...”

“У них был сын...” (Жил мужик с женой. Курейка, 1959).

Связка *obilde* может согласовываться с формальным подлежащим во множественном числе, в таком случае употребляется словоформа *obilden*, где *-n* – суффикс множественного числа, см. пример (14):

(14) *Hundiŋte kaʔt obilden.*

Huʔn-diŋta	kaʔd	o-bil-de-n
Hun-ADSS.F	children	PST-was-STEM-PL
Хунь-ADSS.F	дети	PST-был-STEM-PL

“Hun’ had children’.

“У Хунь были дети”. (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959).

Однако такое согласование не является обязательным, встречаются примеры, когда формальное подлежащее стоит во множественном числе, а используется словоформа *obilde*, как в примере (15):

(15) *qo:qse qi:m'diŋte o'bilde dīn kaʔt, hi:γədilʲ i qi:mədilʲ.*

qoksa	qīm-diŋta	o-bil-de	d-īn	kaʔd
second	woman-ADSS.F	PST-was-STEM-PL	POSS-two	children
второй	женщина-ADSS.F	PST-был-STEM-PL	POSS-два	дети

hīk-dīl	i	qīm-dīl
мужчина-ребенок	и	женщина-ребенок

“The second woman had two children, a boy and a girl’.

“У второй женщины двое детей, мальчик и девочка”. (Хонь. Курейка, 1959).

В отрицательных предложениях, которые описывают ситуацию в прошлом используется отрицание *bānsa* ‘нет’, которое стоит в препозиции к *obilde*, см. пример (16):

(16) “*gop batʲi o'bilde, sʲomsʲitbetʲi o'bilde, e:nte'mesʲ batʲi*”.

ūk-ōb	bān-sa	o-bil-de	sódm	bān-sa	o-bil-de
your-father	no-NMZ	PST-was-STEM	early	no-NMZ	PST-was-STEM
твой-отец	не-NMZ	PST-был-STEM	раньше	нет-NMZ	PST-был-STEM
		enatem	bān-sa		
		now	no-NMZ		
		теперь	не-NMZ		

“You did not have a father and you don’t have him now”.

“У тебя отца не было, прежде не было и теперь нет”. (Сказка про Ньюям. Курейка, 1959).

В данном случае (16) опущен посессор в местно-личном падеже, но также, как и в примере (11), он понятен из ситуации общения и по употреблению атрибутивной притяжательной формы для обладаемого *g-op* ‘твой-отец’, которая косвенно указывает на посессора. Перед *obilde* используется не основная форма отрицания *bān* ‘не / нет’, а словоформа *bānsa*, которая употребляется только в позиции предикатива. Интересно, что в другом примере, в вопросительном предложении с союзом ‘или’ вместо ожидаемой предикативной формы *bānsa* используется *bān* ‘не / нет’, см. пример (17):

(17) *a: 'biŋte ob aksʲ o: 'bilida li ban?*

abaŋta	ōb	aks	o-bil-de	li	bān
I-ADSS	father	what	PST-was-STEM	or	not
я-ADSS	отец	что	PST-был-STEM	или	нет

“... did I have a father or not?”

“... у меня отец был или нет?” (Сказка про Ньюям. Курейка, 1959).

К сожалению, в корпусе текстов больше не встречается подобных примеров, поэтому на данном этапе говорить о каких-то закономерностях выбора *bān* или *bānsa* в посессивных предикативных конструкциях не представляется возможным.

2. Порядок слов в посессивных предикативных конструкциях

Хотя порядок слов в посессивных предикативных конструкциях строго фиксирован: посессор (обладатель) – обладаемое – предикатив (см. таблицу в начале статьи), иногда могут наблюдаться некоторые отступления, которые обусловлены определенными правилами.

Крайнюю правую позицию в синтагме могут занимать притяжательные местоимения, которые относятся к посессору, как в примере (18):

(18) *ab qim 'diŋte siŋyotonoq ʔi:ʔ doŋa ʔekŋ ban 'tol'daŋ.*

āb	qīm- diŋta	si-ŋ-o-t-on-oq	iʔ	doŋa	ekŋ	boŋtunna qīb
1SG.POSS	wife- ADSS.F	exist-EP-PST-TH- PST-become	day	thirty	day.PL	September
1SG.POSS	жена- ADSS.F	существовать-EP- PST-TH-PST-стать	день	тридцать	день.PL	сентябрь

‘My wife’s birthday is September, 30’.

‘У моей жены день рождения 30 сентября’. (Диалог 1. Курейка, 1959).

Кроме того, русские союзы ‘и’, ‘а’ уже в середине прошлого века прочно вошли в кетский язык, в синтагме с посессивными предикативными конструкциями они могут занимать первое место, см. пример (19):

(19) *a Hoʔn hibdaŋte qa:q ta:n.*

a	Huʔn	hīb-daŋta	qāk	təən
but	Hun	son- ADSS.M	five	finger.PL
a	Хунь	сын- ADSS.M	пять	палец.PL

‘But the woman’s son had five fingers’.

‘А у сына женщины – пять пальцев’. (Чертовка и женщина. Курейка, 1959).

Отклонения от порядка слов (посессор – обладаемое – предикатив) может быть обусловлено актуальным членением предложения, как в примере (3), в нем рема *assen bilda* ‘звери все’ выносятся в начало предложения, что придает предложению в целом экспрессивный оттенок (передается удивление/восторг главного героя, который находит неожиданную добычу у себя дома).

Другие примеры (15) и (20) демонстрируют инверсию подлежащего по отношению к сказуемому. В данном случае оба предложения относятся к началу одной сказки, где вводятся новые герои, а сказуемое выражено одной и той же бытийной связкой *obilde*, таким образом коммуникативно важная информация помещается в конце предложения.

(20) *Hondiŋte o'bilde hi'p...*

Hu ^ʔ n-diŋta	o-bil-de	hi'b
Hun-ADSS	PST-was-STEM	son

‘Hun had a son, aged two months’.

‘У Хонь был сын, два месяца ему’. (Хонь. Курейка, 1959).

3. Периферийные явления

В исследуемых материалах встретился один случай переключения кодов, когда носитель кетского языка вместо местно-личного падежа для посессора использует дательный падеж как в русском языке, см. пример (21):

(21) “*a viŋa qaŋ ta:n i hi'lč'uŋ qogdediŋte haj qaŋ ta:n*”.

abaŋa	qāk	tə̀n	i	hi'til-sòŋ	qokda-diŋta	haj
I.DAT	five	finger.PL	and	down-there	first.F.-ADSS.F	again
я.DAT	пять	палец.PL	и	внизу-там	первый.F.-ADSS.F	опять
			haj	qāk	tə̀n	
			again	five	finger.PL	
			опять	пять	палец.PL	

“I have five fingers and the one there has five fingers”.

“У меня пять пальцев и внизу у одной тоже пять пальцев”. (Чертовка и женщина. Курейка, 1959).

Следует отметить, что в других 13 предложениях сказки «Чертовка и женщина», где встречается данная посессивная предикативная конструкция, посессор стоит в местно-личном падеже, см., например, (1) и (19).

Еще одна необычная конструкция со значением обладания характеризуется оформлением посессора. В данном случае (см. пример (22)) посессор выражен усеченной формой притяжательного местоимения *buŋ(na)* ‘их’ в основной форме (форма местно-личного падежа – *buŋnaŋta*).

(22) ... *qe: bis'ebasi kajnemin bi:l'ide, bilun o:ne na as'paŋ usem ...*

qà	bi'seb-as	kas-in-em-in	bilda	bilun	òn	na
elder	sister-COM	take-PST-STEM-PL	all	how.many	many	POSS.3PL
старший	сестра-COM	взять-PST-STEM-PL	все	сколько	много	POSS.3PL
			asbaŋ	usam		
			once	the is/are		
			однажды	имеется		

‘... he and his elder sister took (in their hands) all that they had ...’

‘... со старшей сестрой они взяли (в руки) все, сколько чего у них есть...’ (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959).

Интересные примеры встречаются и в переводных диалогах. Информант интерпретирует ситуацию «быть замужем» как ситуацию обладания и использует посессивную предикативную конструкцию с местно-личным падежом, см. пример (23). Интерференция русского языка проявляется в порядке слов, который вполне приемлем для русского и нетипичен для кетского языка с фиксированным порядком посессор-обладание-предикатив.

(23) *bu obilde te:tdaŋte ...*

bū	o-bil-de	tēt-dāŋta
3SG.F	PST-was-STEM	husband-ADSS.M
3SG.F	PST-был-STEM	муж-ADSS.M

‘She was married ...’

‘Она была замужем ...’ (Диалог 3. Курейка, 1959).

4. Локативные конструкции с местно-личным падежом

У Ш. Георга встречается высказывание, что посессивные предикативные конструкции с местно-личным падежом сформировались под влиянием русского языка (Georg, 2007: 112). В исследуемом корпусе текстов на 38 случаев посессивных предикативных конструкций с местно-личным падежом приходится два предложения, которые представляют собой локативные конструкции, см. примеры (24) и (25). Причем в данных контекстах оформление местно-личным падежом неодушевленных объектов нетипично для кетского языка, в таких случаях обычно используется местно-временной падеж (англоязычный термин – locative).

(24) *bu're qu'si bu'la s'este ku:rd'iŋt ...*

bu-da	qu's	bu'la	se's-d	qōt-dīŋta
3SG-POSS.M	tent	was	larch-POSS.3F	front.part-ADSS.INAN
3SG-POSS.M	чум	был	лиственница-POSS.3F	передняя.часть-ADSS.INAN

‘His tent was under the larch root ...’

‘Его чум был под корнем лиственницы ...’ (Тыновский снег. Елогуй, 1956)

(25) *ʔuniŋ'diŋt ʔi:s bet'siε ...*

	unaŋ-dīŋta	īs	bōn-sa
	fishing.net-ADSS.INAN	fish	no-nmz

‘There was no fish in the net ...’

‘В пущальне рыбы нет ...’ (Головы рыб человеку прочь бросать не следует. Елогуй, 1956)

Употребление местно-личного падежа с одушевленными лицами в корпусе текстов приходится исключительно на посессивные предикативные конструкции (38 предложение из 38), других случаев употребления местно-личного падежа не встречается. Таким образом, получается, что местно-личный падеж специализируется на выражении посессивных отношений в области предикативных конструкций.

Кроме того, в корпусе текстов встречаются локативные конструкции с бытийными связками, но другими пространственными маркерами. В примере (26) представлена локативная конструкция с местно-временным падежом, в примере (27) – послеложная группа: местоимение в родительном падеже с послелогом *itilka*.

(26) “*abkɫʔ esʲkɛ na ɫgbaŋ betʲiŋ...*”.

āb	kəʔd	ēs-ka	na	əkbaŋ	bān-sa-n
1SG.POSS	children	light-LOC	3PL.POSS	on.the.other.side	no-NMZ-PL
1SG.POSS	дети	свет-LOC	3PL.POSS	по ту сторону	no-NMZ-PL

‘There is no one in the world stronger than my children ...’

‘Мои дети на свете их сильнее нет ...’ (Бальна воевать стал с эвенками. Курейка, 1956).

(27) *buŋna atilgɛ de:ŋ u:tes bətʲiŋ obilden.*

bū-ŋ-na	itilka	deʔŋ	utis	bān-sa	o-bil-de
3-PL-POSS.PL.ANIM	near	people.PL	near	no-NMZ	PST-was-STEM
3-PL-POSS.PL.ANIM	возле	люди.PL	близко	не-NMZ	PST-был-STEM

‘There were no people near them’.

‘Возле них близко людей не было’. (Сказка про Нюням. Курейка, 1959).

5. Бытийные конструкции

Бытийная конструкция со связкой *usam* встречается только в переводном диалоге, см. пример (28):

(28) *uk tannodasʲ o:ləŋ asʲlʲiniŋin usʲem.*

ūk	tannóð-d-as	ol-əŋ	asʲlenəŋ-i-ŋ- in	usam
2SG	luck-3.INAN-COM	emety-PL	boat-EP-EP-PL	the is/are
2SG	счастье-3.INAN-COM	пустой-PL	лодка-EP-EP-PL	имеется

‘Luckily, there are spare boats’.

‘На твое счастье свободные лодки есть’. (Диалог 5. Курейка, 1959).

Три остальные бытийные конструкции являются отрицательными, см. примеры (29)–(31):

(29) *qaj dakolʲdu – asʲliŋ bətʲiʲa.*

qaj	da-k-ol-do	asl-iŋ	bān-sa
almost	3.F-TH-PST-look	ski-PL	no-NMZ
чуть.было	3.F-TH-PST- смотреть	лыжа-PL	не-NMZ

‘Looked around- there were not skies’.

‘Посмотрела – лыж нет’. (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959)

(30) *i:t qaj dikolok: qural bətʲiŋ i bilʲtingit betʲiʲe.*

ît	qaj	d-i-k-ol-ok	qutəl	bān-sa-ŋ
basket	almost	3-EP-TH-PST-STEM	young.pike	no-NMZ-PL
чуман (короб из бересты)	чуть.было	3-EP-TH-PST-STEM	щуренок	не-NMZ-PL
	i	bilkit	bān-sa	
	and	young.ide	no-NMZ	
	и	сорожка	не-NMZ	

‘... watched in the box: there were neither young pikes nor young ides’.

‘... коробку было посмотрела: щучек нет и сорожек нет’. (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959)

(31) *qo: jdaqaujaq: Huʔnt klʔt batʔti.*

qòj	da-qā-o-j-aq	Huʔn-d	kəʔd	bān-sa
neighbouring	3.F-inside-PST-EP-come	Hun-3F	children	no-NMZ
соседний	3.F-внутри-PST-EP-прийти	Хунь -3F	дети	не-NMZ

‘She entered: Hun’s children were not there’.

‘Там вошла: детей Хунь нету’. (Хунь с Колбассам жили. Курейка, 1959).

Подводя итоги можно сказать, что для посессивных предикативных конструкций с местно-личным падежом типичны две конструкции: первая – с нулевой связкой и вторая – с отрицанием в предикативной форме (в количественном отношении это 17 и 7 предложений соответственно). По нашему мнению, бытийные связки *usam* и *obilde* являются поздними инновациями и скорее всего сформировались под влиянием русского языка.

6. Глаголы из сферы обладания

В начале статьи уже упоминалось о том, что в кетском языке нет глаголов ‘иметь’ и ‘быть’, только бытийные связки, которые используются в бытийных и локативных конструкциях.

У Е. А. Крейновича описаны глаголы обладания, это глаголы с инкорпорированным элементом, в качестве которого могут выступать существительные *doʔn* ‘нож’, *quʔs* ‘чум’, *tīb* ‘собака’, *qīm* ‘жена’ и др. Пример спряжения такого глагола (Крейнович, 1968: 140–141):

дон’-ди-вит	‘нож-я-имею’
дон’-гу-вит	‘нож-ты-имеешь’
дон’-а-ј-воет	‘нож-он-имеет’
дон’-и-ј-воет	‘нож-она-имеет’
дон’-доең-боет	‘нож-они-имеют’
дон’-гоең-боет	‘нож-вы-имеете’
дон’-аң-боет	‘нож-они-имеют’

В исследуемом корпусе текстов глаголы обладания, описанные у Е. А. Крейновича, не встречаются.

7. Конструкции принадлежности

В кетском языке притяжательные местоимения имеют две предикативные формы. Первая форма образуется с суффиксом *-s*, вторая – с суффиксом *-ij* (для согласования с одушевленными существительными) и *-bij* (для согласования с неодушевленными существительными) (Werner, 1997: 135–136). Именно с этими предикативными формами могут быть образованы конструкции принадлежности:

(32) *kīrj tīp abis.*

<i>kīr</i>	<i>tīb</i>	<i>ab-i-s</i>
this	dog	1SG.POSS-EP-PRD
этот	собака	1SG.POSS-EP-PRD

‘The dog is mine’.

‘Эта собака моя’. (Большой словарь кетского языка, 2015: 74).

Конструкции принадлежности с предикативными формами притяжательных местоимений в исследуемом корпусе кетских текстов не были обнаружены.

Выводы

По синтаксическому способу выражения отношения принадлежности кетский язык относится к *esse*-языкам. В кетском языке не существует глагола 'иметь', в посессивных предикативных конструкциях используются нулевая и две бытийные связки: одна – для настоящего (*usam*), вторая – для прошедшего времени (*obilde*).

Порядок слов в посессивных предикативных конструкциях строго фиксирован: посессор – обладаемое – предикатив. Случаи отклонения от данного порядка слов объясняются актуальным членением предложения.

Стратегию выражения предикативной посессивности в кетском языке можно отнести к локативному типу, так как в конструкциях со значением обладания используется пространственный падеж, а именно местно-личный. Падежные форманты данного падежа *-dan̄ta / -dīn̄ta / -nan̄ta*, а название падежа указывает на то, что он маркирует одушевленные объекты.

Самыми частотными являются посессивные предикативные конструкции с нулевой связкой (17 случаев употребления), вполнину меньше конструкций со связкой *obilde* (8 случаев употребления), больше чем наполовину меньше отрицательных конструкций (7 случаев употребления) и конструкций с *usam* (6 случаев употребления).

Количественные данные при подсчете бытийных с *usam* и *obilde* и локативных конструкций с местно-личным падежом, которые не выражают значения принадлежности, показывают, что они встречаются в единичных контекстах.

Таким образом, есть основание полагать, что в кетском языке местно-личный падеж специализируется на выражении посессивных отношений в предикативных конструкциях. Бытийные связки *usam* и *obilde* скорее всего являются более поздними инновациями, и возможно сформировались под влиянием русского языка.

Список условных сокращений и обозначений

1 – first person, первое лицо; 2 – second person, второе лицо; 3 – third person, третье лицо; ADSS – addessive, местно-личный падеж; ANIM – animate, одушевленный; COM – comitative, совместный падеж (с одушевленными); DAT – dative, дательный падеж; EP – epenthetic vowel/consonant, соединительный гласный/согласный; F – feminine, женский род; INAN – inanimate, неодушевленный; LOC – locative, местный падеж; M – masculine, мужской род; NMZ – nominalizer, номинализатор; PART – particle, частица; PL – plural, множественное число; POSS – possessive, посессив; PRD – predicative, показатель предикатива; PST – past, прошедшее время; SG – singular, единственное число singular; STEM – stem, основа (часть составной основы или основа с обобщенным значением); TH – thematic sound, тематический звук; VERBPART – verbal particle, глагольная частица; VOC – vocative, звательный падеж.

Список литературы

- Большой словарь кетского языка. Под ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. – Мюнхен: LINCOM, 2015. – Т. 1. – 430 с.
Валл М. Н., Канакин И. А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 56 с.
Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 34–45.
Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 284 с.
Georg S. A. Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). – GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 p.
Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 с.
Vajda E. J. Ket. – INCOM EUROPA, 2004. – 99 с.
Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3). – Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. – 405 s.

Список текстов

Бальна воевать стал с эвенками. Курейка (северо-кетский), 1956: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – Т. 2. – С. 101–123.

Головы рыб человеку прочь бросать не следует. Елогуй (южно-кетский), 1956: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 147–148.

Диалог 1. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 163–164.

Диалог 3. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 165–166.

Диалог 5. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 167–168.

Людоеды³. Курейка (северо-кетский), 1959: Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. – Т. 4. – С. 171–183.

Сказка про Кайгусь. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 174–176.

Сказка про Нюням. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 158–162.

Тыновский снег. Елогуй (южно-кетский), 1956: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 148–149.

Хонь. Курейка (северо-кетский), 1959: Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Ученые записки. – Т. XX, вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. – С. 155–158.

Хунь с Колбассам жили. Курейка (северо-кетский), 1959: Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: Вайар, 2013. – Т. 3. – С. 202–294.

Чертовка и женщина. Курейка (северо-кетский) 1959: Крюкова Е. А. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. – Т. 4. – С. 150–170.

Крюкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 01.11.2016

Kryukova E. A.

POSSESSIVE PREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN KET (CORPUS-DRIVEN RESEARCH)

The main means of expression of possessive predicativity in Ket are constructions with adessive case. Despite the fact that the leading researchers in the field of the Ket studies mention this construction, until now there is no individual papers devoted to the subject under research.

By way of syntactic expressing the relationships of belonging the Ket language refers to the esse-languages. In the Ket language there is no verb 'to have', in possessive predicative constructions are used zero-encoding and two existential predicate copulas: the first – for the present (*usam*), the second – for the past time (*obilde*).

³ Название опубликованного А. П. Дульзоном в 1964 г. текста – «Жил мужик с женой».

The order of words in possessive predicative constructions is fixed: the possessor – the possessed – the predicative. Deviations from this order of words are attributed to the actual sentence division.

The strategy of predicative possessiveness expression in the Ket language can be referred to the locative type as in the constructions with the meaning of possession the locative case is used: adessive case.

The forms of this case are *-daŋta* / *-diŋta* / *-naŋta*, and the case name indicates that it marks the animate objects.

The most frequent are possessive predicative constructions with zero-encoding (17 occurrences), half this quantity less there are the constructions with the predicate copula *obilde* (8 occurrences), more than half this quantity less there are the negative constructions (7 occurrences) and the constructions with *usam* (6 occurrences).

The quantitative data in the calculation of existential constructions with *usam* and *obilde* and locative constructions with adessive case, which do not express the meaning of belonging, show that they occur in isolated contexts.

Thus, there is reason to believe that in the Ket language adessive case focuses on the expression of possessive relations in predicative constructions. Existential predicate copulas *usam* and *obilde* are likely to be more recent innovation, and are possibly formed under the influence of the Russian language.

Key words: *Ket, possessive predicative constructions, adessive, locative constructions, existential constructions.*

References

- Comprehensive Dictionary of Ket. Ed. E. Kotorova, A. Nefedov. – Muenchen: LINCOM, 2015. – Vol. 1. – 430 s.
Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). – GLOBAL ORIENTAL LTD, 2007. – 328 s.
Krejnovich E. A. Glagol ketskogo jazyka [The Ket Verb]. – Leningrad: Nauka Publ., 1968. – 284 s. (in Russian)
Stassen L. Predicative Possession. – Oxford University Press, 2009. – 812 s.
Vajda E. J. Ket.– INCOM EUROPA, 2004. – 99 s.
Vall M. N., Kanakin I. A. Kategorii imeni v ketskom jazyke [Categories of Noun in Ket]. – Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. – 56 s. (in Russian)
Verner G. K. Reliktovye priznaki aktivnogo stroja v ketskom jazyke [Relic features of active typology in Ket] // Voprosy jazykoznanija – Problems of Linguistics. – 1974. – № 1. – P. 34–45. (in Russian)
Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3). – Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. – 405 s.

Data sources

Bal'na voevat' stal s jevenkami [Balna took to war with Evenks]. Kurejka (Nothorn Ket dialect), 1956: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obskonejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenisei Linguistic Area]. – Tomsk: Agraf-Press, 2012. – Vol. 2. – P. 101–123.

Golovy ryb cheloveku proch' brosat' ne sleduet [One should not throw away the heads of fish]. Eloguj (Southern Ket dialect), 1956: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 147–148.

Dialog 1 [Dialogue 1]. Kurejka (Nothorn Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 163–164.

Dialog 3 [Dialogue 3]. Kurejka (Nothorn Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 165–166.

Dialog 5 [Dialogue 5]. Kurejka (Nothorn Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 167–168.

Ljudoedy [Cannibals]. Kurejka (Nothorn Ket dialect), 1959: Крюкова Е. А. Кетские тексты // Крюкова Е. А. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-

enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area]. – Tomsk: TML-Press; Vajar, 2015. – Vol. 4. – P. 171–183.

Skazka pro Kajgus' [The tale about Kajgus']. Kurejka (Nothern Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 174–176.

Skazka pro Njunjam [The tale about Njunjam]. Kurejka (Nothern Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 158–162.

Tynovskij sneg [The Tyn snow]. Eloguj (Southern Ket dialect), 1956: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 148–149.

Hon' [Hon]. Kurejka (Nothern Ket dialect), 1959: Dulzon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket folktales and others texts] // Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. – Vol. XX, № 2. – Tomsk: Tomsk University, 1962. – P. 155–158.

Hun' s Kolbassam zhili [Hun and Kolbassam lived]. Kurejka (Nothern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area]. – Tomsk: Vajar, 2013. – Vol. 3. – P. 202–294.

Chertovka i zhenshhina [She-devil and a woman]. Kurejka (Nothern Ket dialect), 1959: Kryukova E. A. Ketskie teksty [Ket texts] // Sbornik annotirovannyh fol'klornyh i bytovyh tekstov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area]. – Tomsk: TML-Press; Vajar, 2015. – Vol. 4. – P. 150–170.

Kryukova E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru